

ЕВРИПИД

АЛКЕСТА

Перевёл с древнегреческого Вланес

АПОЛЛОН

Ах, дом Адмета, где я должен был делить
со слугами простую пищу, хоть и бог я!
Виновник – Зевс, пронзивший сына моего,
Асклепия, и пламя в грудь ему метнувший.
Я в гневе мастеров Зевесова огня
убил, Киклопов – и отец меня заставил
служить у смертного, чтоб искупить вину.
Придя сюда, я пастухом был у владельца,
оберегал его именье по сей день.
Благочестив, попал я в дом благочестивый
наследника Ферета, спас его от смерти,
Мойр обманув. Богини дали разрешение
Адмета от сошествия в Аид избавить,
отдав кого-нибудь другого царству мёртвых.
Всех родственников опросив и всех друзей,
и старого отца, и мать свою родную,
не смог найти он никого – его жена лишь
согласна за него лишиться света солнца.
Она, больная, в доме. На руках супруга
слабеет, гибнет. В этот день ей суждено
изведать смерть и навсегда расстаться с жизнью.
Я должен оскверненья дома избежать,
бесценный кров жилища этого покинув.
Вот приближается, я вижу, Демон Смерти,
жрец мёртвых, чтоб уже вести в чертог Аида
страдалицу. Сюда он вовремя явился,
запомнив день, когда ей нужно умереть.

ДЕМОН СМЕРТИ

А! А!
Что ты делаешь тут? Что ты встал у дверей,
Феб? Опять ты желаешь подземных богов
обокрасть, обесчестить, дары их забрать?
Ты не только уделу Адмета
воспрепятствовал, Мойр одурачив
ловкой шуткой – теперь ты стоишь
с этим луком в руке, охраняешь
жизнь свою отдающую
за супруга дочь Пелия?

Ап. Спокойно! Слушай справедливые слова.
Дем. А лук зачем, когда нужна нам справедливость?

- Ап. Оружие всегда ношу я по привычке.
 Дем. Живущим в доме беззаконно помогая.
 Ап. Несчастьем друга своего я удручён.
 Дем. И ты меня лишитъ второго трупа хочешь?
 Ап. Но у тебя не взял и первого я силой.
 Дем. Так почему он на земле, а не под нею?
 Ап. С женой он поменялся: ты за ней пришёл.
 Дем. И я немедленно сведу её под землю!
 Ап. Веди. Тебя навряд ли мне отговорить.
 Дем. От умерщвления? Мы поставлены на это.
 Ап. Но можно смерть приговорённых и отсрочить.
 Дем. Да, понимаю. Вижу я, к чему ты клонишь.
 Ап. Алкесте можно ли до старости дожить?
 Дем. Никак нельзя. Дары и мне иметь приятно.
 Ап. Но душу всё равно ты заберёшь одну лишь.
 Дем. При смерти молодых мне большой дар даётся.
 Ап. При смерти стариков – богаче погребенье.
 Дем. Лишь для имущих, Феб, закон ты создаёшь.
 Ап. Что слышу я! Когда ты стал таким разумным?
 Дем. Начнут платить, чтоб стариками умереть.
 Ап. Итак, услугу мне ты оказать не хочешь?
 Дем. Нет, не хочу. Ты ведь мои привычки знаешь.
 Ап. Они враждебны смертным и богам противны.
 Дем. Что не положено, того ты не получишь.
 Ап. Ты будешь остановлен, сколько ни свирепствуй.
 Отважный гость прибудет скоро в дом Ферета,
 отправленный за колесницей Еврисфеем
 с равнин фракийских, запорошенных снегами.
 Так знай же: он Адметом будет принят в доме
 и силой у тебя жену его возьмёт!
 Ты нашего благоволения не заслужишь,
 твори своё, и мне ты станешь ненавистен.
- Дем. Ты большего словообильем не добьёшься,
 и женщина сойдёт, конечно, в дом Аида.
 Я к ней приближусь и начну обряд мечом –
 любой из смертных посвящён богам подземным,
 с чьей головы оружие это срежет волос.

ХОР

- Зачем такая тишина у входа?
 Зачем безмолвием охвачен дом Адмета?
 И никого нет из друзей поблизости,
 кто нам сказал бы, надо ли погибшую
 оплакивать царицу или всё ещё жива
 и видит свет дочь Пелия,
 Алкеста – эту женщину и я, и все
 считаем превосходной:
 она и для супруга стала таковой.

- Слышит ли кто-нибудь стон или
рук ударенье под кровлей
или плач, будто всё уже кончено?
- Вовсе нет, и никто из слуг
не стоит у ворот.
Если бы между пагубных волн
ты, Пэан, появился!

- Когда бы умерла, то не было бы тихо.
- Конечно же,
покойница ещё из дома не исчезла.
- Как так? Не думаю. Ты почему уверен в этом?
- Как мог Адмет безлюдным погребенье
жены своей любимой провести?

- Перед воротами не вижу я
воды ключевой для освящения,
оставляемой у дверей мертвецов.
- Нет у преддверья и локона
срезанного, падающего среди плача
по мёртвым, и женщины молодые
руками не бьют по груди.

- И всё же нынче день условленный...
- Ты почему так говоришь?
- ... в который нужно ей идти под землю.
- Ты тронул мою душу, ты тронул моё сердце!
- Нужно, когда уничтожены славные люди,
плакать тому,
кто верным с начала считался.

Но на корабле
ни в какие пределы земли
не податься, ни в Ликию,
ни к безводным
Аммона седалищам,
чтобы несчастную освободить
душу: нить жизни разрезана
рядом совсем. К алтарю небожителей
уж и не знаю какому овцу понести.

Если бы этот свет
видел глазами своими
сын Феба, она бы вернулась,
оставив седалища мрачные
и Аида врата —
ведь он воскрешал умерщвлённых,
пока не был повержен брошенной Зевсом
молнией огня громового.
Ныне какую надежду на жизнь ожидать?

Всё завершилось для царской семьи,
на алтарях всех богов –
полная мера кровавых жертв:
нет исцеленья от бед никакого.

— Служанка на пороге появляется,
слезами заливаясь. Что услышу я?
Скорбеть в несчастье, выпавшем хозяевам,
простительно. Ответ: жива ли женщина,
скончалась ли? Нам очень знать хотелось бы.

СЛУЖАНКА

Сказать ты можешь: и жива, и умерла.
Хор Но разве можно умереть и видеть свет?
Сл. Она поникла головою, еле дышит.
Хор И нет надежды, что останется жива?
Сл. Её отсюда день суждённый вытесняет.
Хор Уже всё приготовлено для похорон?
Сл. Одежды, украшенья. В них простится с мужем.
Хор Таков ты, бедный. И такой жены лишишься!
Сл. Её оценит господин, когда утратит.
Хор Пускай же знает, что умрёт она со славой,
под солнцем ни одной из женщин недоступной.
Сл. Как не со славой? Кто же будет с этим спорить?
Что следует сказать о самой превосходной
из женщин? Как же доказать, что считаешь
супруга, если смерть не примешь за него?
Об этом городу всему давно известно.
Но слушай, что она в покоях совершила.
Почувствовав, что день условленный пришёл,
речной водою кожу белую омыла,
наряд и украшенья из домов кедровых
потом достала, и прилично нарядилась,
и, встав у очага, молиться начала:
«Владычица, теперь под землю я спускаюсь.
В последний раз к тебе сегодня припадаю.
Храни моих детей. Дай любящую сыну
жену, а дочке – благородного супруга.
Пусть не умрут они, как мать их умерла,
до срока, но живут, любимые мои,
на родине, счастливой жизнью наслаждаясь.»
Все алтари, что есть в адметовых покоях,
украсила веночками, шепча молитвы,
листочки обрывая с миртовых ветвей,
не плача, не стная. Близкое несчастье
её прекрасного лица не омрачило.
Потом вошла и в спальню, на постель упала –
и только тут заплакала, заговорила:
«Постель моя, где пояс девственный сняла я

для мужа, за которого я умираю,
прощай! Тебя не ненавижу я. Меня лишь
убила ты. Боясь тебя предать и мужа,
я погибаю. Жди владелицу другую:
меня не преданней, но, может быть, счастливей.»

И падает, постель целуя, заливая
потоком, горестно из глаз её текущим.
Когда пресытилась обильными слезами,
то, голову понутив, прочь пошла из спальни,
но возвращалась вновь, и не могла уйти,
и как подкошенная падала на ложе.

За платье матери хватались дети, плача,
она же целовала их поочерёдно
и слабо стискивала, словно умирая.

Все слуги, бывшие под кровлею, рыдали,
жалая госпожу, и правую им руку
она протягивала, и никто с ней низко
не поступил, прощальных слов не говоря.

Такое вот несчастье в доме у Адмета.
Ему бы умереть. А он, избегнув смерти,
попал в беду, которой нет конца и края.

Хор Адмет, конечно, весь в печали безутешной,
жену такую благородную теряя?

Сл. Рыдает он, держа любимую в объятьях,
моля не покидать его, о невозможном
прося. Она томится, чахнет от болезни,
лишаясь чувств, несчастной ношею руки
лежит, и даже тело выпрямить не может.
С усилием хватая воздух, задыхаясь,
всё смотрит в сторону блистающего солнца.
Ей больше никогда увидеть не придётся
светило круглое с блестящими лучами.
Пойду я, о твоём приезде объявлю.
Не все к правителям имеют состраданье,
но ты им предан, и поэтому в беде,
господ моих постигшей, остаёшься другом.

Хор — Ах, Зевс! Какой же путь от зол, и как, и где
нашёлся бы, какое избавленье от судьбы
даётся повелителям?
— Ай-ай!
Выйдет ли кто-нибудь – или срезать мне волосы
и в чёрный плащ, из всех одеяний,
уже завернуться?
— Всё ясно, друзья, всё ясно, однако
давайте богам помолимся:
ведь огромна власть у богов.
— Властитель Пэан,
средство найди от несчастий Адмета!

- Придумай, придумай что-нибудь: прежде ты путь отыскал, и теперь от смерти стань избавителем, удержи кровожадный Аид!
- Горе какое! Ах, горе, увы, увы! Ах, горе! Сын Ферета, чего натерпелся ты, своей жены лишившись!
- Ай-ай!
Подобное стоит закланья,
и больше чем стоит вдевания шеи
в петлю, с неба свисающую.
- Не на любимую, а на любимейшую жену свою умершую уже сегодня взглянешь ты.
- Смотри! Смотри!
Она из дома с мужем появляется.
- Кричи, стенай, о Ферская страна – отличнейшая женщина, снедаема болезнью, уходит вниз, к подземному Аиду!

Никогда не скажу я, что в браке больше радости, чем огорченья, видя то, что с царём приключилось в этот день, как прекрасной супруги он лишился и жизни остаток провлачит без малейшего счастья.

АЛКЕСТА

Солнце и свет дневной,
и небесные круженья
облака бегущего.

АДМЕТ

Оно тебя со мною видит, двух страдальцев –
твоею смертью мы богам безвинно платим.

- Ал. Земля и кровля дома,
и ложе брачное
родимого Иолка.
- Ад. Ты поднимись, бедняжка, не бросай меня –
моли о жалости властительных богов.

- Ал. Двувёсельную вижу лодку, вижу
на озере: и перевозчик мёртвых,
на шест рукою опираясь, Харон,
меня уже зовёт: «Чего ты медлишь?
Поторопись! Ты всех задерживаешь!» Слышишь,
как он меня сердито понуждает?

- Ад. Ах, боже мой! Ты мне о плаваньи печальном поведала. Злосчастная, как мы страдаем!
- Ал. Уводит меня, уводит кто-то, уводит меня кто-то (не видишь ли?) в жилище мёртвых:
из-под тёмных бровей
смотрит крылатый Аид.
Что делаешь? Пусти! Какое странствие, несчастнейшая, начинаю я!
- Ад. Родным печальное, в особенности мне и детям, разделяющим несчастье это.
- Ал. Оставьте же меня, оставьте!
Лечь дайте мне, в ногах нет силы.
Аид уж рядом – непроглядная
в глаза мои вползает ночь.
Нет больше, дети, дети,
нет больше матери у вас.
Прощайте, дети, и на свет смотрите!
- Ад. Увы, речь эту слушать скорбную ужаснее любой гибели.
Не смей меня бросать, молю богами,
молю детьми, которых сделаешь сиротами,
вставай, держись!
Ведь если ты умрёшь, меня не станет:
лишь от тебя зависит, жить нам или нет –
любви твоей мы поклоняемся.
- Ал. Адмет, смотри, что совершается со мной,
и выслушай моё предсмертное желанье.
Тебя почтила я и душу отдала,
чтоб ты смотрел на этот свет ценой моей
гибели. Могла бы я не умирать,
но взять себе в мужа любого фессалийца
и жить в счастливом доме, под его правленьем.
Я не хотела оставаться без тебя
с детьми-сиротами, и юности своей
не пожалела, хоть и есть о чём жалеть.
Родители, как видишь, предали тебя.
Могли бы с честью завершить существованье
и с честью умереть за сына своего.
Ты ведь один у них, и не было надежды,
тебя утратив, нарожать ещё детей.
Жила бы я с тобой оставшееся время
и ты бы не стонал, жену свою теряя,
детей лишая матери. Но хочет, видно,
какой-то бог, чтоб всё у нас так получилось.
Пускай. Не забудь мне оказать услугу,
я никогда не попрошу о равноценном

(поскольку ничего ценнее жизни нет),
о справедливом лишь, как скажешь: не слабее,
чем я, люби детей – коль ты в своём уме.
Их сделай господами дома моего
и не женись, над ними мачеху не ставь.
Любая женщина меня сквернее будет,
от ревности поднимет руку на детей.
Не делай этого. Прошу, меня послушай.
Враждебна мачеха оставленным сиротам,
о них заботится не ласковой гадюки.
Для мальчика отец подобен крепкой башне:
с отцом он говорит, и слушает его.
Но, девочка моя, ты вырастешь ли чистой?
Как мачеха с тобою будет обращаться?
Она тебя позорной сплетней опорочит,
в расцвете юности невестой ты станешь.
Тебя не сможет мать к твоей украсить свадьбе,
при родах не окажет помощи, дитя,
когда замены нет поддержке материнской.
Необходимо умереть мне – и не завтра,
не третьего числа приходит это зло,
смешаюсь тотчас я с толпою неживущих.
Прощайте, счастья вам! А ты гордись, мой муж,
тебе была супругой лучшая из женщин.
И вы хвалитесь, дети, матерью своею.
Мужайся! За него ручаться не боюсь я.
Он всё исполнит, если не сойдёт с ума.
Всё будет, будет, не волнуйся. Называлась
моей единственной при жизни ты, и в смерти
так будешь называться. Ни одна невеста
Фессалии не назовёт меня супругом.
Нет женщины другой такой же благородной,
такой же непередаваемо прекрасной.
Детей мне хватит: буду я молить богов
о счастье с ними, раз мне счастья нет с тобою.
Носить я буду траур по тебе не год,
но сколько, женщина, моей достанет жизни,
кляня родившую меня и ненавидя
отца: любовь их на словах, а не на деле!
Но ты, пожертвовав и самым дорогим,
спасла мне жизнь. Как тут от плача удержаться,
такой жены на веки вечные лишаясь?
Оставлю я пиры, и общество друзей,
и наполнявшие мой дом венки и песни.
Я никогда опять барбита не коснусь
и не воспряну, чтоб запеть под звук ливийской
свирели, ведь с тобой умрёт отрада жизни.
Изваянный рукой искусной мастеров,
твой образ будет на постель мою возложен,
ласкать его я стану, припадать к нему,

Хор

Ад.

зовя по имени тебя, воображая,
что это ты, что я с тобою – без тебя.
Холодная услада, знаю я, но тяжесть
с души поднимет. Сны мои ты посещать
начнёшь, даря мне радость. Нам отрадно видеть
любимых даже ночью, пусть и ненадолго.
Как обрести язык и музыку Орфея,
чтоб дочь Деметры и её супруга гимном
очаровать и вывести тебя из недр
Аида – я пошёл бы, и ни пёс Плутона,
ни перевозчик душ Харон, веслом водящий,
не помешали бы тебя восставить к свету.
Ты подожди меня, пока умру я тоже,
и дом нам приготовь, где будешь жить со мною.
Велю им положить меня в твой гроб кедровый:
там, вытянувшись, я покоиться желаю
с тобой бок о бок. Не хочу я после смерти
остаться без тебя. Одна лишь ты верна мне!

Хор

Я горе безутешное, как с другом друг,
с тобою разделю: она того достойна.

Ал.

Вы, дети, сами слышали слова отцовы.
Не женится он никогда, не подчинит
вас женщине другой, меня не обесчестит.

Ад.

Всё это подтверждаю: так и поступлю я.

Ал.

Поэтому прими детей из рук моих.

Ад.

Любимый дар из рук любимых принимаю.

Ал.

Стань матерью ты этим детям за меня.

Ад.

Таков мой долг, они же матери лишились.

Ал.

Мне жить бы, дети – но должна сойти я вниз.

Ад.

Увы! Как поступить мне, без тебя оставшись?

Ал.

Госку залечит время, мёртвые – ничто.

Ад.

Возьми меня, молю богами, в подземелье!

Ал.

И нас довольно, смерть познавших за тебя.

Ад.

Судьба, какой супруги ты меня лишаешь!

Ал.

Наполнились мои глаза тяжёлой тьмой.

Ад.

Погиб я, если ты, жена, меня оставишь!

Ал.

Уже как мёртвую меня упоминай.

Ад.

Привстань, открой глаза, детей не покидай!

Ал.

Я не хочу покинуть их. Прощайте, дети.

Ад.

Взгляни на них, взгляни! Ал. Меня на свете нет.

Ад.

Что ты? Бросаешь нас? Ал. Прощай. Ад. Погиб я, бедный!

Хор

Она скончалась. У Адмета нет жены.

ЕВМЕЛ

Судьба моя горькая! Матушка вниз
ушла, и нет её больше,
отец мой, под солнцем.
Пропала и жизнь мою осиротила, несчастная.
Гляди же, гляди на веки её,
на руки висящие.

Откликнись, услышь меня, мама, молю тебя!
 Это я, мамочка, я
 зову тебя, птенчик твой,
 к твоим губам припадая.

- Ад. Она не слышит и не видит нас: и я,
 и оба вы несчастьем ранены тяжёлым.
- Евм. Я маленький, отец, и остаюсь один
 без матери любимой: о какие
 ужасные терплю я
 мучения! И ты, сестра, со мной страдаешь вместе.
 ... Отец,
 напрасно, напрасно ты женился,
 исхода старости ты с нею не достиг.
 Она погибла раньше: и теперь, когда ушла ты,
 наш дом разрушен, мама.
- Хор Адмет, несчастья следует претерпевать.
 Не первый, но и не последний ты из смертных
 жену теряешь благородную. Пойми,
 что всем нам умереть когда-нибудь придётся.
- Ад. Да знаю я, и не внезапно это горе
 нагрянуло. Я долго был им угнетён.
 Однако нужно тело к выносу готовить.
 Оставайтесь тут и, отвечая богу мёртвых,
 пеан пропойте, в этот раз без возлияний.
 Всем подданным приказываю фессалийским
 со мною траур по супруге разделить
 стрижением волос и чёрным одеяньем.
 Остричь четверкам лошадей и кобылицам
 с одним налобником ножом железным гривы.
 В столице ни свирелей, ни бряцанья лир
 пускай не слышится двенадцать полных лун.
 Другого не похороню я человека
 дороже, лучше этого: она одна лишь
 достойна почестей, погибнув за меня.
- Хор Дочь Пелия,
 радуйся и в аидовом доме,
 живи во владеньях, не знающих солнца.
 Пусть постигнет Аид, черноволосый
 бог, и тот, кто за веслом
 и рулём сидит, старый
 сопроводитель умерших,
 что самую, самую лучшую женщину
 он перевёз по заводи ахеронтской
 в лодке двувёсельной.
- Часто будут поэты
 тебя воспевать на семиструнном горном
 панцире и славить безлирными гимнами
 в Спарте, когда время возобновляемое

карнейского месяца совершает
круг при возносимой
на всю ночь луне,
и в тучных, счастливых Афинах.
Угаснув, ты песней такой наделила
певцов мелодий.

Если бы в моей было
силе тебя отправить
к свету от чертогов Аида,
и потоков Кокита,
веслом рассекая подземную реку!
Ты ведь одна, любимая среди женщин,
на собственную душу
решилась, решилась мужа обменять,
избавив его от Аида. Пусть лёгкой
земля упадёт на тебя, женщина! Если же
новое ложе выберет муж твой, то сильно
и мной ненавидим он будет,
и твоими детьми.

Когда ни мать не желает
ради сына скрыть под землёю
тело своё живое, ни старый отец...
Они родили его, но спасти не отважились,
презренные, хоть и седы их волосы.
Но ты в цветущей
юности, умирая за юного мужа, отходишь.
Если бы мог обрести я такую
любовь женщины, связанной браком!
Ведь это в жизни редкая доля. Поистине,
она со мною вместе без печали
свой век бы прожила.

ГЕРАКЛ

Эй, чужеземцы, жители земли ферейской,
Адмет мне нужен. Я его застаю дома?
Хор Да, сын Ферета у себя теперь, Геракл.
Скажи, какое дело в землю фессалийцев
тебя влечёт и в эту ферскую столицу.
Гер. Тиринфский Еврисфей мне задал труд один.
Хор Куда идёшь? С каким блужданьем сопряжён ты?
Гер. Отдаст мне четверню фракийский Диомед.
Хор Отдаст? Не знаешь ли, как он гостей встречает?
Гер. Не знаю. Я в земле бистонской не бывал.
Хор Ведь кобылицами не завладеть без битвы.
Гер. Мне отказаться от моих трудов нельзя.
Хор Убийцей ты придёшь. Иначе трупом ляжешь.
Гер. Не в первый раз придётся насмерть биться мне.
Хор Чего достигнешь ты, хозяина осилив?

Гер. Сведу я кобылиц к тириинфскому царю.
 Хор Не очень-то легко вложить им грызло в пасти.
 Гер. Не пламя же они пускают из ноздрей!
 Хор Их челюсти людей на части разрывают.
 Гер. Так звери горные, не лошади, едят.
 Хор Увидишь стойла их, забрызганные кровью.
 Гер. Взрастивший их – каким он хвалится отцом?
 Хор Ареем. Златокован щит его фригийский.
 Гер. Подобный труд сплетён в одно с моей судьбой
 (тяжёлой, вечно поднимающейся в гору).
 Наверно, мне придётся всех детей Арея
 сдаться в сражении – сначала Ликаона,
 позднее – Кикна, а теперь ещё и третья
 мне схватка предстоит, с владельцем кобылиц.
 Но не родился тот, кто отпрыска Алкмены
 бегущим от руки противника увидит!
 Хор Но посмотри, а вот и сам правитель края,
 Адмет, из комнат вышел и сюда идёт.
 Ад. Приветствую тебя, сын Зевса, кровь Персея.
 Гер. Адмет, будь счастлив, фессалийцев господин!
 Ад. Хотелось бы. Ты мне добра желаешь, знаю.
 Гер. Ты в трауре? Зачем ты волосы остриг?
 Ад. Сегодня хоронить покойника мне надо.
 Гер. Пусть бог от бедствия хранит детей твоих!
 Ад. Все дети живы, мной рождённые, и в доме.
 Гер. Отец твой зрелый, если это он ушёл.
 Ад. Он жив, Геракл, и та, что мне дала рождение.
 Гер. Жена твоя Алкеста, что ли, умерла?
 Ад. О ней теперь повествование двояко.
 Гер. Она скончалась или всё ещё живёт?
 Ад. Живёт и не живёт, больная это тема.
 Гер. Как это так? Ты непонятно говоришь.
 Ад. Известно ли тебе, что ей судьба велела?
 Гер. Известно. За тебя дано ей смерть принять.
 Ад. Кто может быть живым, на это согласившись?
 Гер. А, не страдай! Потом оплачешь ты жену.
 Ад. Кто умереть собрался, тот уже покойник.
 Гер. Однако «быть» – никак не то же, что «не быть».
 Ад. Ты так суди, Геракл, а я сужу иначе.
 Гер. Чего ты плачешь? Умер кто-то из друзей?
 Ад. Да, женщина. О женщине мы говорили.
 Гер. Чужая женщина? Из родственников кто?
 Ад. Чужая, но семье была необходима.
 Гер. Но как пришлось ей в этом доме умереть?
 Ад. Отца лишившись, тут осталась сиротою.
 Гер. Да, жаль.
 Хотел бы я, Адмет, найти тебя не скорбным.
 Ад. Ты для чего завязываешь эту речь?
 Гер. Пойду я к очагу хозяина другого.
 Ад. Нет, бог ты мой! Да не случится это зло!

Гер. Горюющим любые гости докучают.
Ад. Скончались мёртвые. Давай, иди же в дом!
Гер. Но среди плача угощать гостей зазорно!
Ад. Тебя мы в комнатах отдельных разместим.
Гер. Позволь уйти мне: буду век я благодарен!
Ад. Нельзя тебе пойти к другому очагу.
Эй, гостя в комнаты отдельные, за домом,
веди, открой их, слугам тамошним вели
накрыть обильный стол. И затворите плотно
ворота меж дворов. Пирующим гостям
не нужно слышать стоны и сидеть в печали.

Хор Ты что творишь? Нагрянуло такое горе,
Адмет, а ты гостей встречать? Совсем ты спятил?

Ад. А если бы теперь из города и дома
я гостя выгнал, ты меня бы похвалил?
Конечно, нет. Несчастье меньшим бы не стало,
а лишь прибавилось бы оскорбленье гостя.
Средь бед моих была бы новая беда –
мой дом прослыл бы ненавидящим гостей.
Меня-то он всегда радушно принимает
в своей земле аргосской, ссохшейся от жажды.

Хор Зачем же ты своё злосчастье утаил,
когда явился тот, кого зовёшь ты другом?

Ад. Он ни за что не пожелал бы в дом войти,
узнав хоть что-нибудь о бедствиях моих.
Иному, ясно, мой поступок безрассудным
покажется и не похвальным – но не знает
мой дом, как отвергать и унижать гостей!

Хор О дом всегда гостеприимного, свободного хозяина,
тебя, конечно, и Пифийский дивно-лирный Аполлон
достойным счёл для проживания своего,
решившись пастухом
в твоих пределах стать,
по холмам покатым
играя стадам твоим на свирели
пастушеские гименеи.

Сходились на пастбище, рады мелодиям, рыси пятнистые,
пришла, покинув долину лесистую Отриса, львов
краснобурая стая,
и танцевала вокруг кифары твоей,
Феб, пестрошерстная
лань молодая,
из-за ели высоколистной
выступая на лёгкой лодыжке,
радуясь пенью весёлому.

Поэтому в богатых стадами
владеньях живёт он, у прекрасно текущего

Бебеидского озера. Землю для пашен
и пастбищ равнинных границей вокруг
тёмного стойла солнца
в небе молосцев
... он полагает,
и до берега моря Эгейского,
где и гаваней нет, у Пелиона, он властвует.

И ныне, дом растворив,
принял он гостя, с глазами влажными,
жены возлюбленной оплакивая тело,
в покоях только что умершей: благородство
сверх меры тянется к благопристойности.
У людей достойных
всё мудрости исполнено – я изумлён.
В моей душе уверенность сидит,
что человек благочестивый будет счастлив.

Ад. Ферейцы, тут собравшиеся благосклонно,
покойница уже имеет всё, и слуги,
подняв её, несут к могиле и костру.
С усопшей вы проститесь, как велит обычай,
когда она отправится в последний путь.

Хор. Отца я вижу твоего, стопою дряхлой
бредущего, и слуг, в руках жене твоей
несущих одеянье и дары для мёртвых.

ФЕРЕТ

Я соболезновать пришёл тебе, дитя.
Ты благородной, что тут скажешь, и разумной
жены лишился. Впрочем, бедствия такие
терпеть нам нужно, как бы тяжело ни пришлось.
Прими одежды эти, и пускай под землю
отправятся. Покойницу почтить нам нужно,
она угасла для души твоей, дитя,
чтоб я бездетным не остался; не дала мне
без сына век окончить в старости унылой;
всем женщинам открыла жизнь славнее прежней
своим весьма самоотверженным поступком.
Ты, спасшая его, восставившая нас,
повергнутых, прощай, и пусть чертог Аида
тебе благоволит! По мне, такие браки
полезны смертным, или лучше не жениться.

Ад. Тебя на похороны я не приглашал,
твоё присутствие не дружественно мне.
Ей никогда не облачиться в твой подарок.
Ни в чём твоём не нужно быть ей погребённой.
Тебе бы сострадать, когда я погибал,
а ты сбежал и юной женщине позволил
расстаться с жизнью. И ты слёзы льёшь, старик?

Ты телу этому, конечно, не отец,
а говорящая, что родила меня –
не мать мне вовсе. Рабской крови порожденье,
под грудь жены твоей был тайно я подброшен.
Ты на поверку показал, каков ты есть,
твоим наследником себя я не считаю.
Ты несомненно всех бездушьем превзошёл,
такой дряхлец, дошедший до предела жизни,
не пожелавший, не посмевший умереть
за сына своего, позволив чужеродной
погибнуть женщине. Ей следует, бесспорно,
и матерью моей считаться, и отцом!
А мог бы ты вступить в достойное сражение,
за сына умерев, поскольку срок недолгий,
во всяком случае, тебе осталось жить.
Я прожил бы с женой отпущенное время
и не стонал бы от несчастий одиноко.
Всё, что положено счастливцу испытать,
вполне ты испытал: ты правил с юных лет,
в моём лице имел наследника и сына,
и не скончался бы бездетным, дом свой сырый
на растерзание оставив чужакам!
Не скажешь ведь, что умереть бы мне позволил
за то, что старость я твою не уважал.
Я почитал тебя, и вот какой подарок
и ты поднёс мне, и родившая меня!
Скорей плоды детей, пока ещё не умер,
пускай и смотрят за тобой, и выставляют,
и обряжают к погребению твой труп!
Не погребу тебя рукою я вот этой,
я умер для тебя. Благодаря другой
спасительнице вижу свет, себя считая
её ребёнком и кормильцем старых лет!
Напрасно старики желают умереть,
кляня и дряхлость, и мученье долгой жизни.
Когда подходит смерть, никто её не хочет,
и старость им уже не кажется тяжёлой.
Молчи, довольно нам и нынешнего горя!
Дитя, ты своего отца не раздражай!

Хор

Фер.

Чего ты пыжишься, дитя? Ты что, лидийца,
фригийца костеришь, купив его за деньги?
Не знаешь ли, что фессалиец я, законный
сын фессалийца, что свободным я родился?
Не больно буйствуй, несмышлёными словами
бросаясь в нас, тебе так это не сойдёт!
Тебя родил я для господства в этом доме
и выкормил, а умирать я не обязан:
такого нет закона, чтобы за детей
отцы их гибли, не по-гречески всё это.
На собственное счастье или же несчастье

рождён ты, а от нас что должно получил ты.
 Ты правишь многими, тебе оставлю я
 мне данные отцом обширные владенья.
 Чем я тебя обидел? И чего лишаю?
 Ты за меня не умирай, я – за тебя.
 Ты свету рад. А твой отец не рад, считаешь?
 Я убеждён, что время длительно внизу,
 а жизнь стремительна, но всё равно приятна.
 Конечно, ты бесстыдно в жизнь свою вцепился
 и перешёл за срок, отпущенный тебе,
 её вот погубив. И ты моё бездушие
 клянёшь, подлец? Ты этой женщины не стоишь,
 достойной, молодой – умершей за тебя.
 Придумал, умник, способ, как избежать смерти:
 жену очередную нужно лишь склонить
 к гибели. Да как ты смеешь осуждать
 своих родных, не поступающих так подло?
 Молчи! Подумал бы: раз ты так любишь жизнь,
 то любит каждый. Если будешь поносить нас,
 то выслушаешь много слов, да и не лживых.

Хор Так много ругани – и прежде, и теперь.
 Старик, ну прекрати же сына оскорблять!

Ад. Бранись, я ведь бранился. Если слышать правду
 тебе досадно, от меня не отступайся!

Фер. Погибнув за тебя, я больше отступил бы.
 Ад. Тебе одно – что молодой умрёт, что старый?
 Фер. Единственную жизнь дано прожить, не две.
 Ад. Да пусть хоть Зевса самого переживёшь ты!
 Фер. Родителей ругать – но чем же ты обижен?
 Ад. Я осознал, что ты любитель долгой жизни.
 Фер. Не вместо ли себя выносишь мертвеца ты?
 Ад. Подлец, то воплощенье трусости твоей!
 Фер. Она погибла не за нас, и врать не надо!
 Ад. Вот как!

Фер. Смотри же, что-нибудь попросишь у меня!
 Ад. Женись на многих, чтобы трупов больше было!
 Фер. Себя вини – ты умереть не пожелал!
 Ад. Люблю я светоч божий, как его люблю я!
 Фер. Ты духом слаб. Себя мужчиной не считай!
 Ад. Ты труп несёшь – над стариком не смей глумиться!
 Фер. Умрёшь позорно ты, когда твой срок придёт!
 Ад. Когда умру, мне наплевать на ругань будет!
 Фер. Как это мерзко: старость, полная бесстыдства!
 Ад. Ты не с бесстыдной жил женою, а с безмозглой!
 Фер. Пошёл ты вон! Дай мёртвую похоронить!
 Ад. Я ухожу. Похорони её, убийца,
 но расквитается с тобой её семья!
 Фер. Акаст не будет числиться среди мужей,
 когда тебя за кровь сестры не покарает.

Ад. Да сгинь же, ты и сопостельница твоя!

Хор

Бездетны при живущем сыне, как и должно,
состарьтесь, а под этой крышею вам больше
не жить! Я выслал бы глашатаев с отказом
от очага наследственного, если мог бы.
А мы, поскольку горе нужно нам стерпеть,
пойдём и на костёр покойницу возложим.
Горе, горе! Несчастливая в мужестве,
благородная, самая лучшая,
ты прощай! Благоклонно подземный Гермес
и Аид тебя приняли бы! Если даже и там
что-то большее есть для достойных, ты в этом участвуй,
сидя возле невесты Аидовой.

СЛУГА

Я множество гостей из всяческих земель
встречал, обедающих в доме у Адмета,
прислуживая всем – но хуже, чем вот этот,
ещё у очага не принимал я гостя.
Сначала, господина в трауре увидев,
осмелился через ворота он пройти.
Затем не принял с воздержанием приличным
накрытый стол, хотя о горе уж проведал,
но требовал того, что мы не приносили.
Руками обхватив плющом увитый кубок,
сок чёрной матери несмешанным он пил,
пока его не обняло шальное пламя
вина. Ветвями мирта лоб себе венчая,
бессвязно лаял. Две мелодии звучали:
он пел себе, никак несчастьями Адмета
не озабочен – мы же, слуги, госпожу
оплакивали, не показывая гостю
слезами полных глаз: так повелел Адмет.
И вот я в доме гостя этого кормлю,
какого-то проныру-вора и бандита,
она покинула же дом, а я не вышел,
руки не протянул, со всеми вместе плача
по госпоже. Она и мне, и остальным
совсем как мать была, от многих бед спасая,
смягчая гнев супруга. Разве я не прав,
ругая гостя, в дом пришедшего несчастный?
Гер. Эй ты, чего ты там задумался, надулся?
Нехорошо гостям прислуживать уныло,
но обходительно их нужно принимать,
а ты хозяйского приятеля встречаешь
с нахмуренным и неприветливым лицом,
переживая о несчастьи постороннем.
Иди сюда и наберись ума немного.
Не знаешь разве, что всё временно в природе?
Наверно, нет. Откуда знать тебе? Так слушай.
Всем смертным умереть когда-нибудь придётся

и никому из нас постигнуть не даётся,
 что день грядущий несомненно проживётся,
 куда дорога провиденья повернётся –
 сего не выучить, не охватить искусством.
 Послушай же и моему примеру следуй:
 взбодрись, и пей, и эту жизнь по дню считай,
 а остальным пусть занимается судьба.
 И почитай наисладчайшую Киприду,
 она добрейшая из всех богов для смертных.
 Забудь о прочем и поверь моим словам,
 раз кажется тебе, что говорю я правду.
 Всё так и есть. Оставь чрезмерную печаль
 и выпей с нами, за борт выбросив несчастья,
 украсившись венками! Знаю я, что сразу
 от затемнённого, застывшего ума
 тебя плеск чаши унесёт в иную гавань.
 Мы – смертные, и нам о смертном нужно думать,
 а для напыщенных, наморщенных людей
 воистину, коль призовёшь меня судьёй,
 и жизнь не жизнь, а огорчение сплошное.

- Сл. Мы знаем это: но сейчас мы в положеньи
 таком, что не выносит пира и веселья.
- Гер. Чужая женщина преставилась, не слишком
 переживай: хозяйева-то дома живы.
- Сл. Как это – живы? Ты несчастья дома знаешь?
- Гер. Всё знаю, если господин твой не соврал мне.
- Сл. Он чересчур гостеприимен, свыше меры.
- Гер. Чужая умерла, а мне пренебреженье?
- Сл. Чужая, точно так. Чужее не бывает.
- Гер. Он разве не сказал мне о каком-то горе?
- Сл. Иди, резвись. Бедой господ поглощены мы.
- Гер. Не от чужой беды такая речь исходит.
- Сл. Не мучился бы я, смотря, как ты пируешь.
- Гер. Неужто я друзьями так обманут страшно?
- Сл. Явился ты в плохое время для гостей.
 У нас несчастье, мы и волосы остригли,
 и в чёрном ходим, ты не видишь? Гер. Кто же умер?
 Усопший – кто-то из детей? Старик отец?
- Сл. Жена Адмета отошла сегодня, друг.
- Гер. Как ты сказал? И вы меня тут угощали?
- Сл. Тебе от дома отказать он постыдился.
- Гер. Бедняга, потерял такую ты супругу!
- Сл. Мы все потеряны, не только госпожа.
- Гер. Его глаза я видел, полные слезами,
 лицо, подстриженные волосы – но мне он
 сказал, что женщину чужую погребает.
 И, с неохотою пройдя через ворота,
 я пил под кровлею приветливого друга,
 когда он так страдал! Ещё я и пирую
 с венком на голове? И ты не рассказал мне

о страшном горе, осадившем этот дом?
 Где он её хоронит? Как его найду я?
 Сл. Увидишь на дороге в Лариссу прямой,
 за городом, гробницы тёсанные камни.
 Гер. Многострадальные мои рука и сердце,
 явите, что за сына Зевсу родила
 тиринфская Алкмена, дочь Электриона!
 Мне нужно женщину, почившую недавно,
 вернуть к живым, восстановить её для дома,
 Алкесту, чтобы так вознаградить Адмета.
 Пойду я мёртвых чернокрылого владыку
 разыскивать и, верно, Демона увижу
 с гробницей рядом, пьющим жертвенную кровь.
 И если я тогда, метнувшись из засады,
 схвачу его, сжимая в круге рук своих,
 то рёбер стиснутых уже никто не сможет
 освободить, пока он мёртвой не отдаст мне.
 Но если упусти добычу и не станет
 пить свёрнутую кровь, то я отправлюсь вниз,
 в бессолнечный покой, к царю теней и Коре,
 Алкесту требовать, чтоб отвести наверх
 и в руки возвратить любезнейшему другу.
 Он дом свой отворил и не прогнал меня,
 хотя и был бедою тягостной изранен.
 Он благородно умолчал, меня уважил.
 Из фессалийцев кто его гостеприимней,
 а из домов Эллады? Вот он и не скажет,
 что, благородный, сделал доброе дурному.

Ад. Увы,
 ненавистные входы, ненавистные образы
 овдовевшего крова!
 Горе мне, горе, ай-ай, ай-ай!
 Куда мне податься? Где постоять? Что сказать? Чего не сказать?
 Как мне прикончить себя?
 Точно, для тяжкой судьбы меня мать родила.
 Завидую мёртвым, люблю их,
 в домах проживать их желаю.
 Не радуюсь, ни на лучи взирая,
 ни по земле ступая ногой –
 такого заложника отобрала у меня
 и отдала Аиду Смерть.

Хор Ступай, ступай, вглубь дома скройся!
 Ад. Ай-ай!
 Хор Твои страдания достойны жалоб.
 Ад. Э-э!
 Хор Через мученья ты прошёл, я точно знаю.
 Ад. Увы, увы!
 Хор Ушедшей вниз ничем ты не поможешь...

- Ад. О горе, горе мне!
Хор В лицо жены любимой никогда
не заглянуть воистину печально.
- Ад. Ты мне напомнил то, что в сердце вьелось.
Какое бедствие страшнее, чем лишиться
супруги верной? Не женится никогда бы,
не жить бы с нею в доме!
Завидую я смертным неженатым и бездетным:
когда одна душа, о ней переживать –
достаточное бремя.
Детей болезни, брачные
постели, смертью разорённые,
невыносимо видеть: лучше быть всегда бездетным
и неженатым, это ведь возможно.
- Хор Судьба, судьба приходит непреодолимая.
Ад. Ай-ай!
Хор Предела никакого бедам не положишь.
Ад. Э-э!
Хор Переносить их тягостно, и всё же...
Ад. Увы, увы!
Хор ... терпи: не первый ты лишился...
Ад. Ох, горе, горе мне!
Хор ... жены – иное бедствие
является, иных сжимая смертных.
- Ад. О долгая печаль, страдания о близких,
покоящихся под землёй!
Зачем ты удержал меня, когда я бросился
во впалый ров могилы, чтобы рядом с ней,
отличнейшей, покойником лежать?
Так две души вернейшие, а не одну,
Аид имел бы – вместе
подземную пересекающие заводь.
- Хор Был некто у меня в роду,
чей сын, достойный плача,
скончался в доме,
единственный ребёнок: и однако
тот горе перенёс умеренно, бездетный
и к волосам седым
уже склоняющийся,
ушедший в жизни далеко.
- Ад. Как в обличие дома войду я,
как мне жить с изменённой судьбою?
Много встало, увы, между нами:
помню факелов свет пелионских
и звучание свадебных песен.

Руку милой супруги сжимая,
шёл я в гуще толпы многозвучной,
знатный род наш, меня и покойной,
прославлявшей, и наше рожденье
в превосходных домах, и женитьбу.
Гименеи сменило рыданье,
белоснежные пеплосы – траур,
потянувший меня
на пустынное брачное ложе.

Хор Во время благоденное
пришло к тебе, неопытному в бедах,
такое горе: но ты спас
и жизнь свою, и душу.
Жена ушла, покинула твою любовь:
что в этом нового? От многих
уже отъединила
супругу смерть.

Ад. Друзья, судьбу моей жены благополучней
своей судьбы я полагаю, как ни странно.
Страданье больше никогда её не тронет,
она со славой завершила все труды.
Но я не должен жить, я срок свой дотянул
до горестей сплошных: теперь я это понял.
Как через двери дома этого пройду я?
Кого привечу, кто со мной поговорит,
обрадует при входе? И куда податься?
Опустошенье выгонит меня из дома,
когда ни посмотрю я на постель жены,
на стулья, где она сидела, и на грязный
повсюду пол, и на детей, к моим коленям
припавших, плачущих по матери, на слуг,
вздыхающих о том, что в доме нет хозяйки.
Так будет в доме, но и с улицы меня
обратно свадьбы фессалийские погонят,
собранья, женщин полные. Я не смогу
смотреть спокойно на жены моей ровесниц.
И всякий, кто враждебен мне, проговорит:
«Смотри, какой бесстыжий! Умереть боялся
и, малодушно обменявшись на жену,
избег Аида. И считается мужчиной?
Родителей клянёт, а сам не пожелал
пойти на смерть.» К моей прибавятся беде
такие сплетни. Разве лучше жить, друзья,
когда обруган ты и в горе утопаешь?

Хор Я проходил и музыку,
и небесные сферы,
постигнув учений великое множество,

но ничего сильнее Необходимости
я не нашёл: никаких снадобий
на фракийских дощечках,
Орфея начертанных
голосом, ни лекарств, которые Феб
Асклепиадам отдал,
для многострадальных
нарезав их смертных.

Богини лишь этой ни к алтарям
подойти, ни к изваяньям
нельзя, и закляний она не приемлет.
Владычица, с большею силой ко мне
не приближайся, чем ранее в жизни.
Даже Зевс, пусть и кивнёт головой,
лишь с тобою дело закончит.
И халибскую сталь
укрощаешь ты силой своей,
и нет в тебе никакого
почтения к несгибаемой воле.

Тебя тоже связала богиня неизбежными узами рук.
Терпи – никогда ты не выведешь снизу
своим причитаньем умерших наверх.
Даже тайные дети богов
распадаются в смерти.
Она была любимой, с нами находясь,
и, мёртвая, останется любимой –
ведь с благороднейшей из женщин
соединился ты на ложе, со своей супругой.

Курганом позабытого умершего да не считается
жены твоей захороненье, но богам подобно
пусть почитается, мольбы приемля путников.
И кто-нибудь, на поперечную
тропу вступая, так промолвит:
«Она когда-то умерла за мужа,
и ныне стала благодатным духом.
Возрадуйся, владычица, даруй мне счастье!»
С такую речью будут обращаться к ней.

— Но посмотри: мне кажется, тут сын Алкмены,
Адмет. Он к твоему подходит очагу.

Гер. С друзьями надо откровенно говорить,
Адмет, и не таить под сердцем порицаний
безмолвно. Я достойным счёл в твоих злосчастьях
с тобою рядом встать и другом быть на деле.
Ты мне не объяснил, что выставленный труп –
жена твоя, и оказал гостеприимство,

как будто горем посторонним отягчённый.
А я бессмертным возлиянья совершал
с венком на голове, в твоём несчастном доме.
Виню тебя, виню, перетерпев такое,
однако не хочу страдальца удручать.
Зачем сюда пришёл я, повернув обратно,
скажу: ты присмотри за женщиною этой,
пока не приведу фракийских кобылиц,
погибель принеся бистонскому тирану.
А если нет (хотя и хочется вернуться),
пускай она в твоём прислуживает доме.
Её добыть большого стоило труда –
людей я встретил, состязание открывших
всеобщее, атлетам дельное занятие,
откуда я свою награду и веду.
Там победителям соревнований лёгких
достались кони. Тем, кто выиграл труднее,
в бою кулачном и борьбе – стада быков
и женщина в придачу. Получив такое,
негоже было славный приз мой упустить.
Но, как сказал, о женщине ты позаботься,
ведь не украв, а выиграв её с трудом,
пришёл я. Может быть, меня потом похвалишь.
Не к униженью твоему и не бесчестью
я скрыл жены моей печальную судьбу.
Одна беда к другой приложена была бы,
когда бы к дому ты отправился к другому,
а мне хватает об одном несчастье плакать.
Ты, если можно, эту женщину, герой,
прошу, доверь какому-нибудь фессалийцу,
кто не страдал, как я. Со многими ты дружен
из ферцев. Не напоминай мне бед моих.
Не смог бы я её в своём жилище видеть
без слёз. Ты новую болезнь не прибавляй
больному. Я и без того подавлен горем.
Где тут мне молодую женщину держать?
Она ведь молода – я вижу по наряду.
И как с мужчинами ей под одной жить крышей?
И как нетронутой средь молодых парней
ходить ей? Юношу, Геракл, не так-то просто
обуздывать: я о твоём забочусь благе.
Не жить же под ключом ей в комнате покойной?
И как её пуцу я на постель жены?
Боюсь двойного порицанья – от сограждан,
чтоб кто-то не сказал, что спасшую меня
я предал с молодой любовницею в спальне,
и от умершей (поклонения достойной),
чья воля – мой закон. Эй, женщина, послушай!
Кто б ни была ты, знай, что сильно ты Алкесту
напоминаешь мне и ростом, и фигурой.
Ох! Убери, молю богами, с глаз моих
ты эту женщину! Убитого не бей!

Ад.

Гляжу я на неё и, кажется мне, вижу
жену мою. Томится сердце, и из глаз
потоки слёз текут. О, как же я несчастен!
Всю горечь скорби я испробовал теперь лишь!

Хор Я этот случай не могу назвать приятным,
но даренное богом выдержать пристало.

Гер. Когда бы у меня довольно было силы,
я вывел бы на свет из тёмных подземелий
жену твою, и оказал тебе бы милость.

Ад. Понятно, ты хотел бы. Но какой в том прок?
Ведь к свету выходить умершим невозможно.

Гер. Ты слишком не страдай. Как следует, держись.
Советовать легко. Терпеть беду сложнее.

Ад. Чего добьёшься ты, стена бесконечно?

Ад. Я знаю, но какой-то страстью я ведом.

Гер. Любовь к умершей только слёзы порождает.

Ад. Я сломлен больше, чем способен показать.

Гер. Отличной ты жены лишился. Кто же спорит?

Ад. Мужчине этому не в радость больше жизнь.

Гер. Беда ещё юна, её состарит время.

Ад. Про время говори, про время умереть.

Гер. Жена и новый брак мученье остановят.

Ад. Молчи! Что мелешь ты? Подумать о таком!

Гер. А что? Не женишься, и ложе вдовым будет?

Ад. Никто его со мной не сможет разделить.

Гер. И тем умершей оказать услугу хочешь?

Ад. Где б ни была она, я должен чтить её.

Гер. Хвалю тебя, хвалю. Но делаешь ты глупость.

Ад. Мужчине этому не зваться женихом!

Гер. Я одобряю, что так верен ты супруге.

Ад. Пусть я умру, предав и мёртвую её!

Гер. Тогда прими её под кровлей благородно!

Ад. Нет! Зевсом я молю, родителем твоим!

Гер. Не сделал этого, ошибку ты допустишь.

Ад. А сделав это, скорбью сердце разорву.

Гер. Услугу оказав, ты выгадаешь. Верь мне!

Ад. Вот горе-то!
Зачем ты в состязаньи выиграл её?

Гер. Чтоб ты в моей победе был сопобедитель.

Ад. Сказал ты хорошо. Пусть женщина уйдёт.

Гер. Уйдёт, раз надо. Ты взгляни сначала – надо ль?

Ад. Конечно, надо. Не сердись ты на меня.

Гер. Я знаю кое-что, поэтому настойчив.

Ад. Ты победил, но не по вкусу это мне.

Гер. Потом раскушаешь, теперь же мне доверься.

Ад. Ведите в дом её, раз нужно принимать.

Гер. Ты эту женщину не доверял бы слугам.

Ад. А если так, то сам ты в дом её вводи.

Гер. Её в твои отдать я руки собираюсь.

Ад. К ней прикоснуться? Нет. Но в дом пускай войдёт.

Гер. Твоей руке я правой только доверяю.

Ад. Герой, меня ты заставляешь это делать.

Гер. Смелее! Руку протяни, касайся гостыи!
 Ад. Касаюсь, точно обезглавленной Горгоны.
 Гер. Взял за руку? Ад. Да, взял. Гер. Держи её, и скоро ты сына Зевса назовёшь достойным гостем.
 Всмотрись в неё: хоть чем-нибудь напоминает жену твою? Перемени печаль на счастье!
 Ад. О боги, что скажу? Негаданное чудо!
 Воистину ли на жену мою взираю, а не какой-то бог мутит мой разум шуткой?
 Гер. Не шутка это, но свою жену ты видишь.
 Ад. Смотри, чтоб это не был призрак преисподней!
 Гер. Ты гостя в душ проводника не превратил.
 Ад. Жену я вижу, похороненную мною?
 Гер. Бесспорно. Не дивлюсь, что счастьем ты не веришь.
 Ад. Коснусь ли, как живой, поговорю ли с нею?
 Гер. Поговори. Всё совершилось, как желал ты.
 Ад. О драгоценнейшей жены лицо и тело, я и надеяться не мог увидеть вас!
 Гер. Увидел. Лишь бы не завидовали боги.
 Ад. Всеправящего Зевса благородный сын, будь счастлив и пускай тебя отец родимый хранит! Один ты жизнь мою восстановил. Но как из-под земли на свет её ты вывел?
 Гер. Сразился с демоном, повелевавшим ею.
 Ад. Со Смертью бился ты? И где же это было?
 Гер. Из-за надгробья прыгнув, демона сдавил я.
 Ад. А почему стоит жена моя безмолвно?
 Гер. Пока запрещено приветствия её тебе слышать: от богов она подземных закончит очищение лишь на третий день. Веди же в дом её. Остайся справедливым и в будущем, Адмет, и уважай гостей. Прощай! А я отправлюсь подвиг совершать, мне приготовленный царём, Сфенела сыном.
 Ад. Побудь же с нами и очаг наш раздели!
 Гер. В другое время, а теперь спешить мне надо.
 Ад. Тогда удачи! Возвращайся поскорее.
 Я горожанам, всей тетрархии велю устроить хоры в честь событий благодатных и жертвенных быков сжигать на алтарях.
 Переменились мы от прежней жизни к лучшей.
 Не стану отрицать – я счастлив совершенно!

Хор Много в мире обличий божественных,
 много делают боги негаданно,
 ожидаемое не исполнилось,
 бог же выбрал дорогу к нежданному,
 и на этом закончилось дело.